— Нет, я думаю...
— ~~Кажется~~ в ссылке были.
— Да. Был.
Следователь поднял голову от портфеля и поглядел вопросительно в пытающуюся публику, — и что себя:—
— Я вам посоветую уехать отсюда, впрочем я сам постараюсь об этом.
— Почему, господин следователь?
~~Не отвечая~~ на вопрос ~~спросил~~ вопросом:
— О чем вы имеете беседу с жестами казаками в день драки на мельнице?
— Собственно...
— А, ну, можете быть свободны.
Штокман вышел на ~~крыльцо~~ терраску мыловенного дома, (у Сергея Платоновича всегда становилось хлебосольство, минуя вз"езжую) и улыбаясь (а наусмешку ~~насмешк~~ лба левой скользящая морщинка), оглянулся на створчатые крашеные двери.

Вставка №5

~~Я ночью~~ Ночью, за восемь верст от хутора, в степи, кутаясь в кожухи плотной зимнюю Григорий тихонько говорил Наталье:
— Чудная та какая-то... Та, как песню: не хоронишь и не грешь. Не люблю я тебя, Наташка, на не гневай вз. Не хотел вспоминать про это да нет выйдя, так не прошить... И шалко тебя, куботь и эти денька и вредилися, а нету на сердце ничево... пусто. Вот, как зараз в степе пусто...
Наталья глядела вверх на недоступное звездное зайлище, на покровало тенистое и прозрачное плывущее над, нами тучи, молчала. Оттуда с вышины черно-голубой пустоши серебряно-ледяными колоколцами кликали за собой притозивые звезды. Тускло мертвенно пахли отживше травы. Где-то на бугре тлел мерцала кумачная крапинка разложенного пожарища костра...
Перед светом Григорий проснулся. На заторе на два вершка лежал снег. В мерцающей полумгле свежего снега тонилась степь и черные виднелись возле стога зябко плутавшего по первопутку зайца.

Гл. 11

Вечерами у косой Лукерьи в полутемной Штокмановой собирались работы ту. Приходили Кривенко; с мельницы Ваня, а заканчивали на тоже заброшенной тропинке, скользкой, заросшей лебедой, между вокзалом и Машкиной хатой Иван Лебедев, Кудрявый невеселый Филька Чеботарь; и всегда хотели все у Штокмана. Жалко Кошкин — еще не плохой